

Хозяин сцены



Штейна и «Пламя во мгле» Патенкова.

Спектакли — самые разные по содержанию, по теме, по воплощению режиссерского замысла и актерской игре.

Но, пожалуй, наиболее удаются Горину спектакли о наших современниках. Именно в них чувствуется боевой темперамент режиссера-коммуниста, противника всякого штампа и «хрестоматийного глянца». Справедливо оценила общественность и знатоки — искусствоведы такие работы Горина, как «Бабаранщица» Салынского, «Потерянный сын» Арбузова, «Неравный бой» Розова, «Проводы белых ночей» Пановой и другие.

К постановке каждого спектакля он кропотливо и вдумчиво готовится, много читает литературы, наблюдает, старается увидеть в жизни прообразы будущих героев сцены.

И потому он так прост в обращении с товарищами. Это, пожалуй, одна из отличительных черт характера Горина. Он никогда не строит из себя маститого режиссера, боящегося подорвать свой авторитет. А чаще всего, ведь бывает так, что тот, кто изо всех сил пыжится и боится «уронить себя», тому и ронять-то нечего.

Ханан Абрамович постоянно советуется со своими друзьями по сцене, с кем проработал немало лет,

узнал и первые творческие радости и горечь неудач. Тепло отзывается он о многолетнем творческом содружестве со своими единомышленниками, замечательными актерами орловского театра: П. Ф. Орловым, С. И. Поповым, М. Н. Колесовой, О. Л. Каринской, Г. С. Голубовичем, Н. С. Белоусовым, И. Ф. Бабушкиным, В. А. Чеханковой.

Многие из них получили высокое звание заслуженных артистов республики за участие в спектаклях, которые поставил режиссер Х. А. Горин.

Передо мной — пухлая папка режиссерских экземпляров пьес, поставленных Гориним. Замечания на полях, вопросительные и восклицательные знаки — обычная режиссерская работа. Но привлекает внимание и еще одно, не совсем обычное: рисунки персонажей, наброски гримов, изображения отдельных эпизодов, сцен. Все это сделано рукой художника Горина.

Вместе с заслуженным деятелем искусств А. Г. Новиковым и М. А. Рохлиным Ханан Абрамович часто находит пластическое решение спектакля, активно и умело, с карандашом в руках вмешивается в декоративное оформление новых постановок.

Горин нередко участвует на областных выставках и

как вдумчивый фоторепортер и безусловно одаренный рисовальщик — художник. В его альбомах бережно хранятся верные и точные рисунки, сделанные им на премьерах московских театров.

Вот знакомые силуэты удивительно быстро схваченные зарисовки народных артистов СССР А. Тарасовой и Н. Хмелева в спектакле «Анна Каренина», Б. Щукина в спектакле «Человек с ружьем».

Работа в изобразительном искусстве также помогает творческому росту режиссера Горина.

Но особенно способствует совершенствованию его мастерства сама жизнь, которой он никогда не чуждается. Его можно видеть везде: и на смотрах художественной самодеятельности, и среди студентов пединститута, во Дворце пионеров и в сельском университете культуры.

Режиссеру Горину исполняется пятьдесят лет, из которых двадцать пять он отдал искусству.

По-прежнему видишь его молодым, бодрым, с теннисной ракеткой в одной руке и с кипой книг в другой. Он весело, приветливо улыбается встречным. У него много знакомых. Режиссера Горина хорошо знают орловцы и любят его — вдохновенного хозяина сцены.

Анатолий ЯНОВСКИЙ.

— Караул! На помощь! У меня украли чудесную луковицу!

Кричит седой человек в обычном современном костюме.

Другой человек — энергичный, спортивно подтянутый, довольно молодой для своих пятидесяти лет, отрицательно качает головой.

— Нет, совсем не то...

И снова крик о бедной пропавшей луковице. Так повторяется раз пятнадцать. Идет репетиция пьесы бразильской поэтессы Марии Клары Машаду «Похищение луковицы». Режиссер Горин готовит подарок орловским детям к Новому году.

Почти после каждой произнесенной актером фразы — пауза и объяснение, почему надо говорить так, а не этак.

— В детском спектакле нужно смелее обращаться к зрительному залу, — объясняет режиссер, — вызывать ребят на спор, как бы искать у них поддержки, сочувствия, но делать это не в лоб, не прямолинейно, потоньше...

Актеры внимательно слушают режиссера. Все взгляды сейчас устремлены на того, кого обычно не видят зрители, в лучшем случае узнают лишь фамилию в конце афиши, не балуют особым вниманием и рецензенты.

А ведь режиссер — хозяин сцены. И так же, как не может получить книга без писателя, так и не выйдет спектакль без режиссера, хотя в создании его принимает участие большой коллектив — актеры, художники, музыканты, люди других театральных профессий. Организация всего процесса постановки драматического произведения лежит на плечах режиссера, в его сердце и уме.

Режиссер должен быть энциклопедистом, хорошо знать литературу, историю, искусство, многие основы наук, разбираться в психологии человека, владеть мастерством актера, а самое главное — любить все стороны жизни, чувствовать пульс времени.

Образцом для себя Х. А. Горин всегда считал и считает замечательного режиссера и педагога Александра Евграфовича Беляевского, у которого он стал учиться сразу же после войны.

— Мне просто повезло, — вспоминает Ханан Абрамович. — После окончания Московского института театрального искусства по классу народного артиста СССР Попова и практической работы в Московском театре имени Моссовета, в Курске и Луганске я попал в Орел, к такому мастеру сцены, как Александр Евграфович Беляевский.

Не сразу все удавалось. Очень трудно было овладеть

композицией спектакля, пронизать его единым идейным замыслом, наиболее правильно отражающим мысли писателя, найти верный художественный образ. А работа с актером? Сколько тут было упущений, неполадок. Не нравится режиссеру, как говорит актер. Но ведь просто не скажешь: не нравится, мол, и все. Нет, ты подкажи, что не так, докажи самой правдой искусства.

Не раз в самые трудные минуты вспоминал Горин добрые советы великого реформатора театра Константина Сергеевича Станиславского, на беседе с которым ему, студенту ГИТИСа, пришлось однажды присутствовать.

Тонко и глубоко работать с актером на репетициях — к этому призывал Константин Сергеевич.

— Встреча со Станиславским, — говорит Горин, — запомнилась мне на всю жизнь. Пожалуй, именно эта короткая встреча сделала нас, будущих режиссеров, страстными последователями и пропагандистами его учения. Стремиться всем своим творчеством быть верным жизни, развивать в себе острое чувство современности, неустанно искать новое — эти важнейшие мысли Константина Сергеевича стали моим девизом...

Орел лежал в развалинах. Казалось, еще дымились провалы окон, а пепел взывал к возмездию. Но война уже год тому назад кончилась. По улицам пустынного города ходили люди, худые, изможденные, истосковавшиеся по мирной жизни, по труду. Все надо было начинать сначала.

На маленькой сцене в Доме учителя орловцы увидели первый послевоенный спектакль театра — «Сотворение мира» Николая Погодина. Тесный зал был заполнен до отказа. Раскрасневшиеся от удовольствия зрители дружно вызывали на сцену актеров, режиссера Горина.

Произошло действительно сотворение нового, послевоенного мира, возрождение души человеческой в искусстве для тысяч жителей родного исковерканного, но не сломленного войной Орла. Многие бывшие фронтовики, партизаны, люди, вырвавшиеся из неволи, впервые в тот вечер испытали большую радость мирной жизни.

Неподдельная искренность, сердечность, полнокровность художественных образов, глубокая идейность, целостность режиссерского решения — вот что отличало этот хороший и особенно нужный в те памятные дни спектакль.

С тех пор прошло шестнадцать лет. За это время Ханан Абрамович поставил на орловской сцене 60 спектаклей. Здесь «Месяц в деревне» Тургенева и «Вей, ветерок» Райниса, «Ревизор» Гоголя и «Тартюф» Мольера, «Стряпуха» Софронова и «Купальница» Сюзанна Упита, «Персональное дело»